

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: УНИВЕРСАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ПРОСВЕЩЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ?

Фархад ТОЛИПОВ

*кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии
Национального университета Узбекистана
(Ташкент, Узбекистан)*

За 15 лет независимого развития апологеты существующих авторитарных режимов в новых независимых государствах (ННГ) создали и широко распространили миф о так называемом «просвещенном авторитаризме» в качестве наиболее приемлемой и реальной модели (или принципа) политического устройства в этих государствах. В последнее время эта концепция все чаще употребляется в политическом лексиконе. Мне кажется, ее появление вызвано кризисом, достигшим постсоветские (особенно в странах Центральной Азии) политические исследования в сфере проблем демократизации. В своем развитии политическая риторика о демократии в ННГ прошла, условно, три этапа:

- 1) решительные заявления о курсе на демократию в начале независимости;
- 2) утверждения о возможности исключительно национальной модели демократии;
- 3) признание просвещенного авторитаризма как наиболее адекватной сути политической системы.

Как видим, это прежде всего концептуальные вопросы, и рассматривать их следует именно с концептуальной точки зрения. А кризис политических исследований связан с тем, что вместо строго научного и критического анализа искомых проблем в них возобладали политическая конъюнктура и апологетика.

Далее я использую выражение «демократическое конструирование» (вместо расхожего «демократическое строительство»), имея в виду не столько практичес-

кий процесс создания демократии как политической системы, сколько теоретический процесс создания адаптированной концепции демократии.

Курс на демократию

Для начального этапа постсоветских реформ в странах Центральной Азии был характерен естественный политический идеализм. Осуждение тоталитарной политической системы СССР должно было непременно сопровождаться легитимирующими новое руководство заявлениями о твердом курсе на строительство демократии. Ранняя демократическая романтика не отягощалась концептуальными отклонениями в «левую» или «правую» стороны. Следует отметить, что демократический настрой был в значительной степени обусловлен и, можно сказать, подготовлен «перестройкой, гласностью и новым мышлением» последнего руководства Советского Союза. М.С. Горбачеву удалось укрепить политическую активность масс, посеять, так сказать, новые семена демократической культуры и демократического поведения людей.

Именно с эпохи перестройки берут свое начало нынешние «поиски демократии» и «происки автократии». На фоне демократической эйфории первых лет независимости в университетах ННГ были введены курсы политологии и других новых дисциплин, были переведены труды по демократии западных классиков и ведущих современных ученых. Как старшее, так и молодое поколение по-новому открыли для себя Запад, получение дипломов западных университетов стало чуть ли не смыслом жизни многих студентов и молодых ученых. Освоение западных политических, экономических, социальных и этических стандартов символизировало новое время. Западную демократию многие начали воспринимать как идеал политического и социального устройства государства и общественной жизни.

В ННГ, в свою очередь, хлынули западные фонды, эксперты, бизнесмены, благотворители, даже миссионеры. Это был динамичный процесс взаимного обмена.

В целом основные универсальные принципы и институты демократии были внедрены в новые политические системы с первых дней независимости. В их ряду: создание многопартийных систем, организация выборов в законодательные органы (которые стали именовать и парламентами), введение института президентства, конституционное закрепление прав и свобод человека и демократических норм, учреждение института омбудсмана, вступление ННГ в ООН, ОБСЕ и в другие международные организации, законодательное закрепление принципа верховенства международного права над национальным и т.п.

Более того, практически во всех выступлениях официальных лиц и лидеров ННГ изучение и заимствование опыта ведущих демократических стран мира в построении демократических политических систем определялось как важная задача переходного периода. Не случайно практически во всех этих странах регулярно проводили международные конференции, семинары, тренинги, публиковали материалы по проблемам демократизации, прав человека. Новые независимые государства безоговорочно подписали Всемирную декларацию прав человека, Заключительный акт Хельсинкского совещания СБСЕ и многие другие международные документы, фиксирующие соблюдение принципов демократии и прав человека в качестве своих международных обязательств.

Из внутривнутриполитического вопроса демократия постепенно превращается в вопрос международно-политический, становится одним из необходимых условий эффективного

управления процессами глобализации и вопросами обеспечения международной безопасности. Например, директор Шведского международного института исследований проблем мира (СИПРИ) А. Ротфельд пишет: «Повышение эффективности (международного. — Ф.Т.) управления требует дальнейшего развития гражданского общества, внутренней демократизации, растущего участия граждан в процессах управления, правового государства и ответственности управляющих...»¹

Такое представление о международном измерении демократии связано прежде всего с тем, что сегодня главную угрозу безопасности международного сообщества представляет слабость государств, обусловленная дефицитом демократических структур, и неспособность справиться с такими явлениями, как организованная преступность, международный и внутренний терроризм, коррупция, отсутствие политических свобод, нарушение прав человека, религиозные и этнические конфликты, агрессивный национализм².

Поэтому «в XXI веке демократию следует рассматривать не только как форму правления, но и как путь к мирному сосуществованию народов»³. Итак, **универсализм в демократическом конструировании был обусловлен высокими ожиданиями общества, с одной стороны, и современными глобальными тенденциями — с другой.** Это был, в общем, естественный процесс и единственно возможный ответ на вызов независимости. Демократию как ценность, как форму политического правления и сущность общественных отношений приняли без оговорок, как безусловный политический курс. Впоследствии она превращается из безусловного направления в обусловленный курс.

Откат на национальную модель

Однако в конце 1990-х и начале 2000-х годов в политическом курсе ННГ относительно вопросов демократии наметился откат с позиций универсализма к национализму, что вряд ли можно воспринимать как научно выстраданную строгую идею многих политологов за годы независимости. Скорее это отражение их растущего доктринерства. Дело в том, что еще никто не смог отчетливо охарактеризовать основные уникальные черты этой национальной модели.

Естественным образом возникает вопрос: какие черты «своей» национальной модели неповторимы, уникальны, то есть не присущи другим странам? И какие черты национальной демократии заимствованы, привнесены из зарубежного опыта? Следует заметить, что вне зависимости от приверженности какой-либо школе демократического конструирования (универсализма или национализма) исследователи, политики и идеологи не отрицают таких универсальных ценностей и норм демократии, как выборность власти, многопартийность, разделение властей, независимость СМИ, основные свободы и права человека и т.д.

В попытках обосновать возможность и необходимость создания своей национальной модели демократии многие местные политики и ученые постоянно повторяют мысль, что местная социально-политическая действительность и историко-культурное наследие (часто употребляют термин «менталитет») создают особый контекст в общедемократической эволюции.

¹ Ротфельд А. Принципы организации глобальной безопасности. В кн.: Ежегодник СИПРИ 2001. С. 3.

² См.: Там же. С. 4.

³ The Warsaw Declaration «Towards a Community of Democracies» // Polish Quarterly of International Affairs, 27 June 2000 (see also: International Legal Materials, November 2000, Vol. 39, No. 6. P. 1306—1308).

Как показал армянский политолог Артур Атанесян, именно воспроизводство советской модели «демократического централизма» — основная характеристика своей, особой, национальной модели демократии. Причиной служит то, что в большинстве стран СНГ за весь период, прошедший с момента обретения ими независимости, у власти остаются представители советской номенклатуры⁴. Они не смогли преодолеть в себе наследие того времени и пойти по иному пути, кроме как реанимация советского типа авторитаризма.

Специфика выразилась не столько в чем-то уникальном и неповторимом в опыте других стран, делающем движение к демократии своим, не копирующем иностранные образцы, сколько в воспроизводстве той именно особенности нации и национальной культуры, которая на самом деле является основным препятствием в самом этом движении. К таким особенностям, например, в Узбекистане относится клановая система. Правильно утверждая, что пережитки клановых отношений не только препятствуют демократическому развитию страны, но и угрожают ее безопасности, идеологи и политическая элита пока ничего не смогли сделать, чтобы эти пережитки устранить, более того, они их законсервировали.

Самое парадоксальное в риторике о национальной модели демократии состоит в том, что в ней скрыта попытка монополизировать саму демократию как систему, как ценность. А. Атанесян прав, когда утверждает, что «постсоветские лидеры стран СНГ пытаются адаптироваться к необходимости демократических преобразований и вместе с тем адаптировать их под себя...»⁵ Режим даже присвоил себе единственно возможное толкование сущности демократии и путей его создания. В результате мы пришли не к национальной модели демократии, а скорее к национальной модели ее отрицания. Как заметил российский политолог Николай Борисов, «трансформация политического режима привела не к модернизации политической системы республики, как этого можно было ожидать, а к ее демодернизации и архаизации»⁶.

Исследования процесса постсоветского развития показывают, что идея национальной демократии в государствах Центральной Азии, наверное, как нигде, служит формой и способом изоляционизма. Тем самым, мы приходим к парадоксу: политическая система ни в Узбекистане, ни в других странах региона не может и не должна повторять *принцип: национальная по форме и демократическая по содержанию*. Единственно правильная форма, в которую может облекаться демократическое содержание, сама должна быть демократической. Чем больше национализма в Узбекистане (и в соседних странах), тем меньше демократии.

К тому же не будем забывать, что демократия из внутривнутриполитического вопроса постепенно превращается в международно-политический, становится одним из необходимых условий эффективного управления процессами глобализации и вопросами обеспечения международной безопасности. Применительно к Центральной Азии это означает, что демократия приобретает и региональное измерение. Это, однако, не замечается в дискурсе о демократическом конструировании. Никто пока не выдвигал, хотя бы на академическом уровне, гипотезу о региональной демократии. Если угодно, такой подход мог бы стать важным шагом к осмыслению того, что называется местной (т.е. региональной) спецификой в демократическом развитии (если такая специфика вообще существует).

⁴ См.: Атанесян А. Парадоксы демократии и тенденции демократизации в странах Центральной Азии и Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ, 2005, № 6 (42). С. 18.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Борисов Н. Трансформация политического режима в Узбекистане: этапы и итоги // Центральная Азия и Кавказ, 2005, № 6 (42). С. 34.

В последнее время откат от универсализма наметился практически во всех ННГ, что, в частности, проявилось в демарше стран СНГ против ОБСЕ (8 июля 2004 г.). В их совместном заявлении, распространенном в постоянном совете ОБСЕ в Вене, говорится о том, что организация неэффективна и «не сумела адаптироваться к требованиям меняющегося мира». Особо негативной оценки удостоилась «полевая деятельность» ОБСЕ, которая якобы ограничивается «мониторингом ситуации в области прав человека и демократических институтов». При этом руководители миссий якобы допускают «неоправданную критику» в адрес внутренней политики правительств стран пребывания⁷.

Еще одним явным признаком отката от универсализма в демократическом конструировании стало закрытие офисов большинства международных организаций, действовавших в Узбекистане, под предлогом того, что они ведут деструктивную деятельность в стране пребывания. Однако это не получило убедительного подтверждения. Общественности не предоставили исчерпывающих доказательств деструктивной (подрывной, если не считать демократическую подрывной) деятельности этих организаций⁸.

Итак, концепция национальной модели вызвана замедлением демократических преобразований, усилением консерватизма и авторитаризма в политическом процессе ННГ.

Застой в демократическом конструировании

Наконец, сегодня мы наблюдаем и такую (производную от предыдущей) тенденцию: стремление ответственно разработать научно обоснованные модели и концепции демократического конструирования уступает место признанию псевдоконцепции просвещенного авторитаризма. Видимо, авторы этой концепции слову «просвещенный» придают смысл «демократический», потому что в противном случае это будет равносильно отрицанию вообще какой бы то ни было демократии. Зачем же нужен просвещенный авторитаризм, если он не ведет к демократии?

Однако эта концепция неимоверно сужает национальный политический процесс и ставит его в зависимость от степени просвещенности, уровня знаний, ума, доброй воли одного человека. Она априори не гарантирует и не требует наличия таких добродетелей у других участников политического процесса, с одной стороны, и у следующего руководителя — с другой, поскольку не содержит в себе принципов правильной смены власти. **«Просвещенный авторитаризм» — концепция консервации статус-кво.**

Но здесь возникает вопрос: «Что означает быть просвещенным, просвещенным в чем?» Если это слово понимается в смысле уровня образованности, то оно применимо и к большинству диктаторов далекого и недалекого прошлого, которые тоже были образованными/просвещенными. Практически все авторитарии и диктаторы всегда изображали и изображают себя просвещенными людьми, знающими нужды и чаяния народа. Они постоянно произносят правильные лозунги, даже принимают правильные законы.

Как представляется, концепция просвещенного авторитаризма выдумана для оправдания несменяемости лидеров. Считается, что действующие несменяемые лидеры

⁷ Лукьянов Ф. Заключительный акт. Страны СНГ приговорили ОБСЕ [www.centrasia.org], 10 июля 2004.

⁸ Об этом см.: Толипов Ф. Момент истины: Конец переходного периода? (О демократической инициативе в государствах Центральной Азии) // Центральная Азия и Кавказ, 2005, № 5 (41).

символизируют собой стабильность, предсказуемость, устойчивость и преемственность политического курса и т.п. Однако многие не замечают, что несменяемость просвещенного лидера часто становится причиной естественного одряхления режима, его застоя и деградации. Мне все больше кажется, что каждый лидер государства приходит с вполне определенным и ограниченным политическим ресурсом, который расходуется уже в первый или, наверняка, во второй срок его пребывания у власти. Воспроизводство этого ресурса практически невозможно не столько даже потому, что исчезает степень просвещенности лидера, сколько в силу двух важных обстоятельств, которые нельзя игнорировать:

- 1) естественным образом с течением времени в осуществлении власти накапливаются допущенные и неизбежные ошибки, в конце концов достигающие критического уровня. Ведь вряд ли кто-нибудь будет возражать по поводу того, что невозможно принимать всегда исключительно безошибочные решения (если, конечно, не обожествлять лидера).
- 2) В народных массах также естественным образом наступает утомление от образа несменяемого лидера; в них возникают всякого рода подозрения (уместные или неуместные) по поводу властолюбия и корысти лидера, его нежелания отдавать власть. Побочный (или прямой) эффект от этого явления — подозрения по поводу наличия в стране неких сил, которые, находясь в тени лидера и всячески поддерживая его у власти, преследуют свои узкокорыстные интересы в ущерб национальным целям.

Заметим, что не случайно даже в развитых демократиях неизменно и гарантированно действует принцип ограничения периода пребывания руководителя государства у власти двумя сроками (без дополнительных оговорок). Казалось бы, в таких странах у народных масс есть гораздо меньше причин быть недовольными действиями своих демократических властей, а следовательно, больше причин обосновывать продление срока пребывания лидеров у власти. Однако таких прецедентов в истории демократических стран практически не существует. Даже самый лучший и успешный лидер там с неизбежностью сменяется в установленный срок.

По отношению к постсоветским странам, особенно к республикам Центральной Азии, архиактуально звучит следующее замечание известного американского политолога Ф. Закариа: «Демократия может процветать, а конституционный либерализм — нет... Зачастую оказывается так, что многие страны создают правительство, совмещающее значительную степень демократии со значительной степенью нелиберализма... Конституционный либерализм касается ограничения власти, а демократия касается ее аккумуляции и использования. По этой причине многие либералы XVIII и XIX веков видели в демократии силу, которая может уменьшить свободу... Нелиберальные средства в долгосрочной перспективе несовместимы с либеральными целями... В странах, не основанных на конституционном либерализме, рост демократии часто воспроизводит гиперационализм и подстрекательство к войне... Хоть и легко устроить выборы в стране, более сложно проталкивать в обществе конституционный либерализм... Таким образом, проблемы управления в XXI веке, по-видимому, будут проблемами внутренне присущими самой демократии»⁹. Отсюда следует, что и просвещенный авторитаризм не гарантирует движение в сторону демократии в либеральном понимании этого слова.

Кроме того, как представляется, истинно просвещенный человек не может быть авторитарным по своей природе, потому что авторитарный человек властвует, стремясь

⁹ Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs, November/December 1997.

возвыситься над подданными государства, верит в свою непогрешимость, не допускает или значительно ограничивает инакомыслие и свободомыслие других, что несвойственно просвещенному человеку.

В связи с этим уместно вспомнить пророческие мысли крупного российского ученого, высказанные накануне XX столетия: «Вообразить, что монарх по собственному почину, в силу великодушного побуждения ограничит свою власть — значит не знать человеческой природы. Конечно, он может почувствовать всю тяжесть лежащего на нем бремени, но обаяние власти так велико, что оно может вознаградить за все ее невыгоды. К этому присоединяется влияние окружающих, личные интересы которых связаны с сохранением этой власти, под сенью которой они проводят свои корыстные виды. Благовидных же предлогов к ее сохранению всегда можно найти множество: и народное чувство, и историческое призвание, и мнимая польза отечества, и распадение государства на части — одним словом, все те признаки, которые обыкновенно пускаются в ход, чтобы не допустить ограничения произвола...»¹⁰

Антиамериканизм как политическая технология антидемократизма

На постсоветском пространстве провал демократического конструирования пытаются заменить обскурантистскими методами, изобретая (по-советски) образ внешнего врага. Антиамериканизм стал, по сути, формой воинствующего антидемократизма. Например, «аналитические» программы узбекского телевидения «Тахлилнома» уже сделали традицией начинать любую новую передачу с циничных и язвительных реплик в адрес США и «мудрых» утверждений об отсутствии универсальных формул построения демократии.

В связи с недавно состоявшимися (и несостоявшимися) «цветными революциями» на пространстве СНГ (в Грузии, на Украине, в Кыргызстане и Узбекистане) в новых независимых странах, в том числе в России, набирает обороты, как мне кажется, тревожная антиамериканская истерия. Всю риторику по поводу причин, характера и движущих сил таких «революций» красной нитью пронизывает мысль, что они были инспирированы Соединенными Штатами. Вновь гипертрофированные геополитические взгляды оказались более востребованными, нежели новые подходы, которые только начинали появляться и развиваться по отношению к трансформационным процессам в постсоветских странах после обретения ими независимости.

В то же время ангажированные политологи и журналисты смакуют тему «поражения» США в Центральной Азии в духе классических политтехнологий, но не замечают другого. Современная драма в СНГ, особенно центральноазиатских, связанная с отторжением демократии и консервацией автократий, имеет (помимо прочего) геополитическое измерение. Последнее, в свою очередь, проявляется в двух реалиях: 1) российско-имперское и советско-державное наследие; 2) глубоко континентальное бытие этих народов и государств. Российский ученый Д. Фурман верно подметил: «Единство российской континентальной империи было неотделимо от авторитарного характера российского политического строя»¹¹.

¹⁰ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // Новое время, 1990, № 4.

¹¹ Фурман Д. Долгий процесс распада Российской империи. В сб. статей: Центральная Азия и Кавказ: насущные проблемы / Под ред. Б. Румера. Алматы: ТОО «East Point», 2005. С. 57.

Поэтому не случайно, что традиционно имперское российское стремление к расширению (или «собиранию земель») ныне приняло не форму территориальной экспансии, а форму борьбы за сохранение постсоветского пространства как пространства российского доминирования¹². И не случайно также, что «помощь России в борьбе с оппозициями и с давлением Запада, направленным на демократизацию и либерализацию режимов постсоветских стран, является важнейшим фактором сохранения этих режимов и одновременного сплочения СНГ, которое стало как бы возглавляемым Россией «священным союзом» президентов против оппозиций»¹³.

Сегодня все больше говорят о так называемой «демократической интервенции», под которой понимается политика западных стран, направленная на продвижение демократии в СНГ. Режимы в последних восприняли эту политику как вмешательство во внутренние дела государства, даже как попытку организации революционных волнений в этих странах. Поэтому **«священный союз» президентов объединился не только против своих оппозиций, но и против внешнего демократического давления.**

Думаю, стремление США поддерживать или продвигать демократию в СНГ не следует окрашивать ни в какие цвета, его нужно воспринимать нейтрально, как данность. Да, в истории и внешней политике Соединенных Штатов были как светлые, так и темные страницы. Но это относится к любой мировой державе, а не только к США. Ни Америку, ни Россию, ни Китай, ни другую державу не следует ни демонизировать, ни идеализировать. Но идея поддержки и продвижения демократии как с политической точки зрения, так и с моральной (особенно), думаю, не заслуживает априорного осуждения, если, конечно, ей не придавать чересчур большого геополитического содержания.

В своей знаменитой книге «Развитие цивилизации в Америке» известный американский историк и социолог М. Лернер писал: «Мир столетиями воспринимал Америку в искаженном свете. Поначалу на нее смотрели через искажающие розовые очки надежды, потом — через призму легенды о силе и богатстве. Какое-то время на образ Америки накладывал темное пятно гангстеризм. Сегодня в искажениях ее образа повинны бурные политические страсти, развязанные долгим «вооруженным перемирием». Подлинная, реальная Америка теряется среди множества фантастических отражений в кривых зеркалах»¹⁴.

Практически все доктрины Соединенных Штатов пронизывает мысль, которую можно выразить следующей цитатой из книги упомянутого нами М. Лернера: «Себя они [американцы] считают не борцами с идеологией, а реалистами, исполненными решимости сохранить мир открытым для разных общественных систем — при условии, что каждая будет воздерживаться от агрессии»¹⁵.

Придет время, когда отношения между Ташкентом и Вашингтоном нормализуются. Я уверен, тогда США будут снова восхвалять наших идеологов, которые сегодня так боятся их (хотя они же совсем недавно восхищались ими).

Нужна новая перестройка

Узбекистану теперь необходимо то, что разбудило советский народ в 1985 году: **перестройка и новое мышление.** Для такого утверждения есть ряд причин, главная из них —

¹² См.: Фурман Д. Указ. соч. С. 91.

¹³ Там же. С. 97.

¹⁴ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. В 2-х томах. Т. 2. М.: Радуга, 1992. С. 473.

¹⁵ Там же. С. 741.

сходство той социально-политической ситуации, которая ныне сложилась в Узбекистане, и той, которая была в СССР накануне перестройки. Основные ее элементы таковы: монополия одной партийной идеологии; отсутствие плюрализма мнений и критики недостатков; отсутствие оппозиционных сил; застойные явления в экономике; лозунговость и кампанейщина; догматизм и апологетика в гуманитарной науке; создание образа внешнего врага и т.п.

Тогда руководство Советского Союза нашло в себе мужество и волю признать кризисное состояние государства, наличие механизма торможения и начать беспрецедентные реформы. В своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» М. Горбачев писал: «Применение методов работы, возникших в экстремальных условиях, привело к торможению социально-экономического роста в изменившихся условиях»¹⁶. Этот тезис можно применить и к постсоветскому Узбекистану. Перефразируя его, можно утверждать, что использование методов работы, возникших в советское время, может привести к отставанию страны от мировых темпов глобализации и прогрессивных мировых стандартов демократического развития.

Советская стратегия реформ имела два измерения: внутреннее (перестройку) и внешнее (новое мышление). Наша перестройка могла бы включать ряд серьезных инноваций.

- Во-первых, в политическом процессе необходимо инициировать открытость и гласность.
- Во-вторых, настало время реально оценить деятельность партийной системы и приступить к ее реформированию.
- В-третьих, пора начать серьезную административную реформу, чтобы искоренить клановость, местничество и коррупцию.
- В-четвертых, важно создать социальную атмосферу открытого свободного обсуждения и критики проблем, имеющихся в обществе и государстве.

Наше новое мышление могло бы включать и ряд новых аспектов.

- Во-первых, необходимо инициировать новый диалог с Западом и восстановить прежние стратегические отношения.
- Во-вторых, настало время серьезно заняться, так сказать, регионостроительством, то есть размораживанием региональной интеграции в Центральной Азии.
- В-третьих, важно поднять на новый уровень наш профиль в таких организациях, как ООН, ОБСЕ, НАТО, СНГ.

Узбекистан сегодня стоит перед, условно, девятью практическими проблемами и восемью дилеммами демократического строительства. Проблемы таковы:

- 1) кризис партийной системы;
- 2) отсутствие независимых демократических СМИ;
- 3) кризис системы местного самоуправления граждан;
- 4) угроза клановости и местничества;
- 5) отсутствие механизма изучения общественного мнения;
- 6) неразвитость механизма прямой и обратной связи между государством и обществом;

¹⁶ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Изд-во политической литературы, 1988. С. 43.

- 7) злоупотребления и коррупция в государстве и в обществе;
- 8) вмешательство государства в сектор частного бизнеса и рыночных процессов;
- 9) разрыв между идеологией и жизнью общества.

А концептуальными дилеммами являются следующие аспекты:

- 1) совместимость секулярного государства и мусульманской культуры;
- 2) совместимость ислама и демократии;
- 3) демократия или автократия;
- 4) безопасность или демократия;
- 5) национальная модель или универсальная;
- 6) постепенное или быстрое движение;
- 7) либерализм или патернализм;
- 8) модернизация или традиционализм.

Эти проблемы и дилеммы необходимо решать не только на государственном уровне, но и (прежде всего) в научном сообществе. Я уверен: если ученые Узбекистана, а также государство всерьез приступят к решению этих проблем, то республика может продемонстрировать небывалый взлет научной мысли и политического творчества. К сожалению, в своих исследованиях отечественные политологи еще даже не поднимают такие фундаментальные вопросы и не предлагают инновационных решений. Узбекистан, имея самый мощный научный потенциал среди стран Центральной Азии, не демонстрирует даже половины того расцвета плюрализма мнений, активного и открытого обсуждения проблем, перед которыми стоят нация и государство, что демонстрирует даже такое слабое государство региона, как Кыргызстан. В соседних странах мы уже наблюдаем выход научной мысли на новые уровни исследования, отличающиеся не только плюрализмом мнений, но и инновационностью подходов.

А у нас есть многое, что требует новых подходов. Например, как определить национальные интересы страны? В чем они заключаются? И как их защищать? Как проводить мониторинг реализуемой стратегии, с тем чтобы корректировать ее на отдельных этапах? А нормально ли то, что Узбекистан испортил отношения с США, и как следует восстанавливать прежние отношения? Сколько партий нужно стране для полноценного демократического развития? Каково соотношение религии и демократии?

Так, в частности, в октябре 2006 года в Ташкенте прошла международная конференция, посвященная роли и значению исламского фактора в строительстве гражданского общества. Участники из Узбекистана говорили в основном о том, что уже многократно было сказано на уровне официальной пропаганды, а именно: у нас религия отделена от государства. Эта истина уже не требует доказательств, по крайней мере среди участников конференции; надо было поднимать и обсуждать более глубокие вопросы о роли религии в гражданском обществе. А в этом контексте есть что обсуждать, особенно с учетом того, что ислам (как религия и образ жизни) все больше утверждается в жизни общества.

Таких актуальных вопросов, требующих открытого и живого обсуждения, огромное количество. Гласность, конечно, серьезное испытание, причем это не только функция СМИ, но и образ политического мышления. Но когда речь заходит о гласности, порой доходят до паникерства. Утверждают, что при свободном и открытом обсуждении проблем страны начнется перепалка, ругань, вседозволенность и дестабилизация общественно-политической ситуации. Этот тезис — лишь умозрительная формула, не получившая научного подтверждения. Да, в стране всегда найдутся те, кто будет паразитировать на реформах, консервативные и реакционные силы, которые будут всячески тормозить реформы и

стремиться дискредитировать его лидеров. Но это не может служить основанием для свертывания реформ и для скептицизма относительно успеха демократии в «азиатской стране».

О важности, даже о международном значении демократического развития Узбекистана (и в целом Центральной Азии) свидетельствуют, в частности, состоявшиеся в декабре 2006 года слушания в Политическом комитете Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), посвященные Центральной Азии. Европа стремится понять и оценить перспективы развития стран региона. В целом они оказались объектами серьезной критики со стороны Запада (не Востока и не Севера) за неспособность (читай «нежелание») проводить демократические реформы и за нарушения прав человека. Примеров такой критики немало. Довольно симптоматичной и иллюстративной стала, например, конференция, организованная 5 мая 2003 года Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) в Ташкенте. Выступивший на ней глава ЕБРР Жан Лемьер подчеркнул, что в современных условиях «гражданское общество находится в центре процесса развития. Это важное достижение... Будущий уровень развития сотрудничества ЕБРР с Узбекистаном будет зависеть от выполнения Ташкентом своих обязательств относительно реформ... У нас есть выбор между движением вперед и инвестированием и ограничением нашей деятельности, как это мы сделали в других странах».

Как видим, для мирового сообщества важно наше демократическое развитие. Более того, как и почти 20 лет назад, когда США поддержали перестройку и решили оказать Советскому Союзу экономическую поддержку, сегодня, я уверен, и США, и другие ведущие демократические государства мира заинтересованы в поддержке политических и экономических реформ во всех новых независимых государствах.

Нынешнее положение Узбекистана — результат драматического стечения как субъективных, так и объективных обстоятельств. Причем последние усилили первые (субъективные). Дело в том, что те, кто делает политику, руководит государством и т.д., живут не в вакууме и, так сказать, не в «чистых санитарных условиях», а в непростой ситуации как внутреннего политического процесса, так и внешнего. Центральноазиатский, а также международный контекст, в котором находится и развивается государство и государственность Узбекистана, напрямую воздействуют на характер и содержание принимаемых политических решений. Для Узбекистана этот контекст сегодня складывается далеко не благоприятно. Достигает своего апогея геополитическое соперничество великих держав в регионе (так называемая «Большая игра»), причем несущее с собой больше деструктивного, нежели конструктивного, потому что ведется оно по правилу «баланса сил» или «игры с нулевой суммой».

В этих условиях все республики ЦА, особенно Узбекистан, оказались в какой-то растерянности. Начавшийся демократический процесс в Узбекистане (да и в других странах региона) был заморожен не просто в силу ошибок или характера личностей, стоящих у власти, но по причине объективного, неизбежного воздействия нового миропорядка.

Другими словами, то, что происходит в Центральной Азии и находит свое отражение во внутренней и внешней политике Узбекистана, — часть более крупного, глобального, глубинного процесса теперь уже мировой перестройки. Поэтому нам нужна своего рода новая наша собственная «Ялтинская конференция», которая определила бы статус региона после окончания «холодной войны». Быть ли Узбекистану и другим странам ЦА демократическими или нет — часть вопроса об этом новом статусе.

В м е с т о з а к л ю ч е н и я

Упрощенной абсолютизации статической модели универсальной демократии соответствует идеология *демократического фундаментализма*; попыткам же построения на-

циональной модели демократии — идеология *демократического релятивизма*; а пропаганде идеи просвещенного авторитаризма — идеология *демократического обскурантизма*. Все три идейные платформы на самом деле несостоятельны, и, как мы видим, их легко опровергнуть. Нас же должна интересовать идейная платформа *демократического конституирования*. Однако к нему мы даже еще не приступали, а занялись псевдонаучными гипотезами, на удивление оказавшимися более востребованными.

Кыргызстанский политолог Нур Омаров точно заметил, что набирают «все большую популярность на постсоветском пространстве рассуждения о неготовности реформируемых стран к восприятию западных демократических ценностей или же необходимости их развития по некоему специфическому, «азиатскому» пути»¹⁷. Этому в значительной степени способствовала проводимая руководством реформируемых стран политика «национального возрождения», выразившаяся в использовании архаичных форм сознания (включая клановое) при создании современной системы управления¹⁸. Действительно, государство, общество, простые люди увлеклись возрожденным «счастьем» — своей архаичной народностью, не оставив места для того, что якобы заимствуется извне — для демократии.

Концепция национальной демократии несостоятельна в том изложении, которое преподносят многие нынешние ура-патриоты. Даже сегодня, при всей драматичности демократического зстоя и верхушечном отвержении западной демократии, обучение политическим дисциплинам в вузах основано, пусть даже формально, на западных знаниях и западной научной методологии.

Концепция просвещенного авторитаризма несостоятельна и с научной точки зрения: она искажает суть вопроса. Приверженцам этой концепции целесообразно напомнить, что от просвещенного авторитаризма до непросвещенного — один шаг, который ведет к культуре личности... Вывод очевиден: выборность и сменяемость руководителей страны — незыблемый принцип демократического устройства политической системы. Это не только политический и юридический принцип, но и морально-этический. Он не должен изменяться в зависимости от политической конъюнктуры.

Даже если и признать высокую просвещенность определенного лидера определенного государства, концепция просвещенного авторитаризма не работает даже как переходная модель, поскольку она безответственно уклоняется от серьезного демократического конструирования, всецело доверяется сугубо субъективным факторам, а не объективным закономерностям общественного развития.

Не будем забывать, что на протяжении всей истории демократии поиски наилучшей модели демократического устройства государства вращались вокруг фундаментальной идеи: как обеспечить максимальное самовоспроизводство демократии как СИСТЕМЫ и сделать ее менее всего зависящей от субъективных факторов. Отцы-основатели демократических СИСТЕМ всегда предупреждали о возможности, как говорят на Западе, «тирании большинства», то есть тирании демократии. Если уж демократия может скатиться в тиранию, то что же можно сказать о просвещенном авторитаризме?

В Республиках Центральной Азии, несомненно, существует не только большой экономический, ресурсный, кадровый, образовательный, научный, а также политический потенциал, но и солидные демократические возможности. Эти факторы заметно отличают их от развивающихся стран «третьего мира». Сегодня важно не утратить этот потенциал, не дать им скатиться на уровень гораздо более отсталых государств — как в плане развития, так и в контексте демократической перспективы.

¹⁷ НУР (Кыргызстан), 2003, № 2.

¹⁸ См.: Там же.

Уклонение от поиска демократии усиливает происки автократии. В конце концов концепция просвещенного авторитаризма неадекватна хотя бы потому, что она опоздала: действующие лидеры молодых независимых государств, как считается, избраны демократическим путем, а в конституциях и законах уже закреплены универсальные демократические принципы и нормы, ничего общего не имеющие с идеей просвещенного авторитаризма.

В предисловии к 12-му французскому изданию своей книги (1848 г.) А. де Токвиль сделал очень важный вывод из своих наблюдений демократии в США: «Обратив наши взоры на Америку, не станем, однако, рабски копировать те институты, которые она создала для себя, но лучше постараемся понять в ней то, что нам подходит, не столько заимствуя примеры, сколько просто набираясь ума, и уж если станем занимать, то сами принципы, а не частные детали их законов. Законы Французской Республики во многих случаях могут и должны отличаться от тех, которые определяют жизнь Соединенных Штатов, но те принципы, на которых основывается законодательство американских штатов, принципы, обеспечивающие общественный порядок, разделение и уравнивание власти, подлинную свободу, искреннее и глубокое уважение к закону, — эти принципы необходимы любой Республике, они должны быть общими для всех республиканских государств, и можно заранее предсказать, что там, где их не будет, Республика вскоре прекратит свое существование»¹⁹.

Эти слова в полной мере можно отнести к Узбекистану и к другим странам Центральной Азии.

¹⁹ Де Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 24.